

С.П. ОРЛЕНКО

О РУКОМОЙНОМ ПРИБОРЕ В ПОСОЛЬСКОМ ОБЫЧАЕ XVI-XVII ВЕКОВ

Впервые об обычае «омовения рук» московским государем после прикосновения иностранных послов мы узнаем из сочинения Сигизмунда Герберштейна, опубликованного в середине XVI в.: «Государь сидел с непокрытой головой на более высоком [и почетном] месте у стены, на которой сверкало изображение какого-то святого, справа от него на скамье лежала шапка-колпак, а слева — палка [с крестом], (т. е.) посох, и таз с двумя рукомойниками, поверх которых было положено полотенце. Говорят, что, подавая руку послу римской веры, государь считает, что подает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки»¹. Автор не скрывал, что узнал об этой «традиции» с чужих слов, но сомнению это известие не подверг, поместив в раздел своей книги «Как принимают и обходятся (там) с послами».

С полным доверием к сочинению имперского дипломата отнесся папский легат Антонио Поссевино и в 1582 г. даже подал Ивану IV письмо, в котором среди прочего настаивал на отмене «унизительного обычая»². Исследователь посольского церемониала Л.А. Юзефович, критикуя «легенду о рукомойнике», указывал на ответ бояр, категорически отрицавших существование такого обычая³.

Сам по себе ответ бояр трудно считать убедительным доводом. Московские дипломаты с легкостью отрицали политически невыгодные факты, в том числе и связанные с проявлениями конфессиональной неприязни к «иноверцам». В 1653 г. по настоянию патриарха Никона не пожелавших принять православие иноземцев принудительно, под угрозой применения силы и конфискации имущества, выселили из Москвы за городскую черту на Кукуй. Когда приехавший в Россию в середине 1660-х гг. голландский посол в ответ на произвол в отношении поданных «Великомочных штатов» заявил протест и потребовал объяснений, ему было сказано, что иноземцев переселили для их же пользы, потому что их прежние дворы в столице якобы были тесны и «от пожаров опасны»⁴.

В XVII в. упоминания о рукомойном приборе и обычае «омовения рук» русским государем после приема иностранных послов в той или иной форме встречаются в сочинениях П. Петрея, А. Олеария, А. Траны, А. Мейерберга, Я. Рейтенфельса, Г. Шлезингера (ил. 1,2). Время присутствия в России последнего автора, упоминавшего об обычае «омовения рук», — 1680-е гг. Таким образом, это известие фигурировало в записках иноземцев более чем полтора столетия. Из этого ряда несколько выпадает известие сэра Томаса Смита времени царствования Бориса Годунова. Англичанин упоминал о наличии в палате рукомойного прибора, однако никак не связывал его присутствие с очистительными процедурами после целования царской руки «иноверными» послами⁵.

В ряде изданий сочинений упомянутых выше авторов текст сопровождается иллюстративным материалом — гравюрами с изображением палаты,

1. Аудиенция имперского посольства у царя Алексея Михайловича в 1661 г. Из книги: Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903

самых иностранных дипломатов, русского государя на троне и рукомойного прибора. Необычен вариант с сочинением Эрика Пальмквиста — в тексте отсутствует упоминание об «обычае омовения рук», но на гравюре изображен рукомойный прибор и дана пояснительная надпись.

В русских источниках, непосредственно относящихся к процедуре приема иностранных дипломатов (посольских книгах и столбцах делопроизводства Посольского приказа), мы не находим никаких упоминаний как о самом обычae «омовения рук» государем, так и о наличии в палате во время аудиенции каких-либо умывальных принадлежностей, хотя выдачу ряда предметов, вносимых в палату для посольского приема, — например, стола и часов — документы фиксируют. Так что сформулированный Л.А. Юзефовичем вопрос: «Был ли рукомойник?» — вполне правомочен.

Изучая посольские книги и столбцы, связанные с организацией приема иностранных дипломатов во дворце московского государя, можно отметить одну труднообъяснимую особенность. В этих документах фиксировалась выдача предметов в палату, где проходила аудиенция, только с Казенного двора — возможно, самого обширного, но не единственного хранилища ценностей.

Между тем, круг придворных казнохранилищ и ведомств, задействованных в обеспечении только дворцовой части церемонии, был значительно шире. С уверенностью можно назвать Казенный двор, Оружейную и Мастерскую палаты. Именно из Мастерской палаты выдавался ряд предметов царского гардероба, некоторые ювелирные украшения и обиходные вещи, используемые в различных церемониях, — ковры, стулья, подножия, а также умывальные принадлежности: «серебренник» — руко мойный кувшин, «лохань» — руко мойное блюдо, «утиральники» и «лентие» — полотенца. Информация подобного рода содержится в так называемых «Выходных книгах», которые были опубликованы П. Строевым и, с лакунами, охватывают период с 1632 по 1682 г.⁶

Наиболее ранняя запись о присутствии в палате руко моя во время приема иностранного дипломата московским государем относится к 15 декабря 1633 г.: «...у Государя [м.т.] Михаила Федоровича в Золотой палате, был посол Турского Царя. А на Государе был наряд Большие Казны: крест, диадима большая, венец, скифетр, яблоко, стоянец, платно первого наряду... зипун из Мастерских без ожерелья... сорочка первого наряду, чеботы низанные. Серебряник»⁷. На следующей аудиенции 15 февраля 1634 г., когда посол Алей Ага был у государя «на отпуске», сам посол и «спаги и люди салтановы» были у руки государя, однако присутствия руко мойника в Золотой палате не отмечено⁸. Семнадцатого июня 1638 г. в Столовой избе государь принимал Крымских послов. Михаил Федорович был без регалий, в обычном платье, «а у стряпчих было: серебренник, лохань»⁵.

Рассматривая эти и последующие документированные в «Выходах» случаи использования руко мойного прибора в посольском церемониале в царствование Михаила Федоровича, мы видим, что они носили эпизодический характер. По сравнению с общим числом дипломатических аудиенций, количеству приемов, где было документировано присутствие в палате руко мойного прибора, относительно невелико. Так, в сентябре — декабре 1640 г. только крымские послы и гонцы были у государя в Столовой избе пять раз, из которых лишь в одном случае отмечен вынос руко моя с лоханью¹⁰.

Крайне сложно увидеть какую-либо закономерность в эпизодических случаях выноса в палату руко мойного гарнитура. Не усматривается прямого соответствия ни с рангом дипломатических агентов (посол, посланник или гонец), ни с очередностью аудиенции («на приезде» или «на отпуске»). Не обнаруживается явной связи ни с помещением, в котором происходил прием, ни со степенью парадности облачения государя.

Помимо дипломатических аудиенций, «серебренник с лоханью» являлся атрибутом дворцовых приемов, не имевших прямого отношения к «посольскому обычая», когда государь принимал иноземных купцов или национальную знать, находившуюся в русском подданстве или вассальной зависимости. «24 мая 1639 г. был Государь в Золотой палате, а у Государя был Кизылбашской купчина. А на Государе был наряд Большия Казны... Лохань, серебряник. 13 и 24 октября 1639 г. и 27 декабря 1640 г. были у

государя в Столовой избе ногайские мурзы»¹¹. Всякий раз Михаил Федорович был без регалий, а в помещении присутствовал «серебренник с лоханью».

Отмечены и «смешанные» варианты, когда в один день, в одном и том же помещении государь мог последовательно принимать и иностранных купцов, и дипломатов, и национальную знать из числа своих подданных.

2. Аудиенция шведского посольства у царя Алексея Михайловича в 1674 г. Рисунок Э. Пальмквиста, из книги: Palmquist E. Nagre vidh sidste kongl. ambassaden till tsaren i Muskou gjorde observationer ofver Rysslandh, des vagar, pass medh fastningar och grantzer sammandragne. Stockholm, [1898]

Двенадцатого декабря 1638 г. «был Государь в Золотой палате, а у Государя были Кизылбашские купчины да Гречения». На Михаиле Федоровиче был «наряд Большие Казны: крест, диадима другая, скифетр, яблоко, стоянец, шапка что делана в приказе у окольничего у Василия Ивановича Стрешнево, платно... Серебряник, лохань»¹². В Дворцовых разрядах отмечено, что помимо «Персидского и Ширванского и Кизылбашского шаха Суфия купчин» был в Золотой палате и «Медианский посол», тем же днем отмечен и прием «Индийского царя Левонтья посла»¹³. Вероятно, речь идет о после мин-герельского владетеля Левона III «крестовом попе Гавриле», приезжавшем в 1640 г.¹⁴ Шестого июня 1640 г. у государя в Столовой избе были «Черкасские мурзы и Крымские послы. А на государе было платья: опашень... кафтан становой... зипун... шапка горлатна... посох индейской с костми. Серебренник с лоханью»¹⁵.

Единственное, что объединяло отмеченные в «Выходах» случаи выноса рукомойного прибора в помещение для аудиенций при первом государе династии Романовых, — это принадлежность принимаемых дипломатов, купцов, национальной знати преимущественно к восточным государствам и народам¹⁶. Данное обстоятельство не может не выглядеть странным, применительно к пафосу западноевропейских авторов, с возмущением писавших о «позорном обычae» омовения рук русским царем после поцелуя его руки послами именно европейских христианских государей.

Другой характерной деталью времени царя Михаила было отсутствие при рукомойном приборе, выносимом в палату, полотенца, тогда как в случае использования «по прямому назначению» - во время трапез, а также в храме при государевом причастии, «Выходы» неизменно отмечали вместе с рукомоем выдачу «полотенца», «утиральника», «лентия».

Как уже отмечалось выше, вынос рукомоя на посольский прием практиковался нечасто. Последние несколько лет царствования Михаила Федоровича, при значительном количестве посольских приемов, в «Выходах» о выносе рукомоя упоминаний нет. Не отмечено его использование и в первые годы правления Алексея Михайловича. Первое упоминание о присутствии в «аудиенц- зале» рукомойного гарнитура при новом государе относится к 1647 г.: «Апреля в 22 день был государь в Золотой палате, а у него государя были Кизылбашские послы, и Грузинские, и иных земель иноземцы. А на государе был наряд Большие Казны... Серебреник с лоханью и с лентилем...»¹⁷. Любопытно различие между определением статуса визитеров в «Выходах» и «Разрядах», где они определены как «Персидского и Ширванского и Кизылбашского Аббаса шаха купчины»¹⁸. Как и при царе Михаиле, рукомой эпизодически присутствовал во время приемов не только иностранных дипломатов, но и купцов, знати из числа народов, бывших «под рукою» московского государя, а также служилых иноземцев¹⁹. Новшеством стало появление в палате во время приемов при рукомойном приборе полотенца. В царствование Алексея Михайловича «лен- тие» или «утиральник» неизменно сопутствовали рукомойному гарнитуру.

Другим новшеством, по сравнению с временем Михаила Федоровича, стала практика выноса рукомоя во время приема дипломатов западных (христианских) государств. Впервые русские источники документировали вынос рукомойного прибора при приеме западного дипломата 2 сентября 1647 г.: «Был у государь в Грановитой палате, а у него государя был Литовский посол. А на государе было платье Большие казны... А из Мастерских палаты: сорочка первого наряду, четыре перстни, один с яхонтом, а три с алмазы. Серебреник, да лохань, да утиральник»²⁰. Впоследствии вынос рукомойных принадлежностей на аудиенции западных и восточных дипломатов чередовался.

По сравнению с общим числом посольских приемов, документированный вынос рукомойника остался столь же нечастым, что и в царствование

Михаила Федоровича. Однако при Алексее Михайловиче стала заметна дифференциация относительно ранга дипломатического агента. Теперь рукомойный прибор не выносился при приеме дипломатов низшего уровня — гонцов, а начиная с 1660-х гг. «серебренник» упоминался крайне редко и лишь при аудиенции некоторых послов. Есть основания полагать, что речь идет о дипломатических миссиях, имевших для русской стороны наибольшее значение.

Восемнадцатого мая 1661 г. государь принимал в Грановитой палате послов императора Священной Римской империи, а 20 мая «цесарские послы» получили аудиенцию в Золотой палате. В обоих случаях государь был облачен с максимальной пышностью, при регалиях, а в палате присутствовал рукомойный прибор²¹. Со столь же высокой степенью торжественности и роскоши проходили приемы польского посольства в 1667 г., шведской миссии в 1674 г. (дважды) и персидских дипломатов в 1675 г.²² Насколько можно судить по «Разрядам», встреча и прием этих посольств проходили самым пытным образом.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что вынос рукомоя в последние годы правления Алексея Михайловича стал атрибутом максимальной торжественности и парадности в церемонии посольского приема. Это обстоятельство никак не соответствует трактовке «унизительного обычая» западноевропейскими авторами.

Определяющее значение для оценки жизнеспособности версии о назначении рукомойного прибора в «посольском обычая» имеет следующее обстоятельство. Рукомой и лохань присутствовали на приемах дипломатов и разного рода лиц, чью веру русская сторона однозначно идентифицировала как «истинную», то есть православную. Любопытно отметить факт, что первым западным дипломатом, при приеме которого был документирован вынос рукомойного гарнитура в 1647 г., был посол Речи Посполитой — Адам Кисель, православный по вероисповеданию.

Рукомойный прибор стоял в Золотой палате и 22 апреля 1649 г., когда у государя Алексея Михайловича были «греческой епископ Киприян, да князь Муцал Черкасской». В «Выходах» нет никаких указаний на то, что обстановка в палате при приеме православного архиерея и князя-мусульманина каким бы то ни было образом менялась²³. В 1660 г. «апреля в 12 день были у Государя в Золотой палате Меретинские послы и купчины. А на государе был наряд Болшя Казны: крест, диадима второго наряду, чепь золота колчeta, платно царское... шапка царская первого наряду, что с лалом; скипетр царской; стоянец с яблоком. Серебренник с лаханью и с утиральником»²⁴. Именно необходимостью защиты православных единоверцев мотивировал московский государь принятие «под свою высокую руку» Меретинского царства²⁵.

Отдельно стоит рассмотреть случай 6 июля 1658 г., когда с великими почестями государь Алексей Михайлович принимал у себя во дворце грузинского царя Теймураза Давидовича. Для придания церемонии

максимальной пышности были предприняты экстраординарные усилия. Во время стола в Грановитой палате «Грузинский царь сидел от Государя по левой стороне в первом окне от Благовещения за столом; а стол был поставлен каменной. Да на том же окне позади царя Грузинского, на бархате золотном стояли четверы часы серебряные взяты с казенного двора и из мастерских полаты... У того же окна стоял шандан стенной серебряной; а на другой стороне в первом же окне от Ивана Великого стоял *серебряник большой с лоханью* (здесь и далее курсив наш. — С.О.), по сторонам росолники высокие; взяты с Казенного двора. На другом окне от Ивана Великого, что по правой стороне от государева места, на бархате золотном, стоял росолник серебряной большой да бочка серебряная же позолочена, мерою в ведро; у того же окна на правой стороне шандан стенной серебряной. На окне же на первом, что от большого собору, *серебряник большой с лоханью*; взят с Казенного двора». Кроме того, «около столпа» в Грановитой палате был поставлен поставец, на котором находились «суды золотые и серебреные, и сердоликовые и хрустальные, из лучших статей выбрано»²⁶. Нет никаких сомнений, что находившиеся как на поставце, так и на окнах драгоценные предметы имели в контексте действия сугубо декоративное назначение и служили исключительно для украшения интерьера. Особенностью данного случая является использование не одного, а двух «больших» рукомойных приборов, с чем, по-видимому, и связана их выдача не из Мастерской палаты, а с Казенного двора.

Несмотря на то, что присутствие в помещении рукомойного гарнитура при совершении «посольского обычая» не было обязательным, в середине — второй половине XVII в. применительно к определенному рукомойному прибору закрепилось определение «посольский». Такое определение широко известно по отношению к «посольским топорам», традиционному оружию рынд — церемониальной стражи московских государей. Примечательно, что в «Выходах» это определение по отношению к рукомойному прибору впервые встречается в документах, когда сам прием в строгом понимании «посольским» не являлся. Двадцать второго апреля 1648 г., когда государь принял греческого епископа Киприяна, а затем князя Муцала Черкасского, в Золотой палате стоял «серебряник с лоханью и с утиральником посолской»²⁷. А когда 8 сентября 1649 г. «кушел государь в Столовой избе», при нем был «стряпчей с полотенцы, серебреник с лоханью и утиральник посолской»²⁸. Впоследствии определение «посольской» стало употребляться и по отношению к стоянцу — находившейся на подоконнике серебряной подставке под державу — «яблоко с крестом»²⁹.

В ряде случаев рукомойный прибор при совершении «посольского обычая» мог использоваться и вне стен дворца, и безотносительно особы государя. В 1660 г. в город Борисов на очередной съезд с польскими комиссарами для обсуждения условий перемирия был направлен князь Никита Иванович Одоевский. Власти позаботились чтобы интерьер помещения, где будут проходить переговоры, был достойным образом украшен. Для этого на

Казенный двор была послана память о выдаче необходимых предметов. Небольшой объем документа позволяет воспроизвести его полностью: «Лета 7168 (1660) генваря в 6 день п[о] государеву цареву [м.т.] Алексея Михайловича указу память казначею Богдану Миничу Дубровскому да дьяком Данилу Панкратеву да Ивану Харламову. Указал великий государь [м.т.] Алексей Михайлович послать на посольский съезд с своими государевыми великими и полномочными послы з боярином со князем Никитою Ивановичем Одоевским с товарищи лахань да рукомойник, да шендан серебряны золочены, да на стол ковер золотной да два сукна червчатых. И по г-ву [м.т.] Алексея Михайловича указу казначею Богдану Миничу Дубровскому да дьяком Данилу да Ивану учинить о том по государеву указу. Диак Дмитрий Шорин»³⁰.

В январе 1661 г. серебряный золоченый рукомойник с лоханью были отправлены и в Кардис на «свейский съезд с великими послы з боярином со князем Иваном Семеновичем Прозоровским с товарищи». В документе содержится описание отпущенного с Казенного двора рукомойного гарнитура: «Рукомойник серебрен, золочен местами, с рукоядью. На кровле мужик бел под нею и в руках перевезь. Носок золочен весь. Лохань серебрена, золочена на оба лица, чеканная, по ней звери. Весу в них тринатцать фунтов сорок два золотника. А откуда прислана того неведомо, ярлыка нет»³¹. В октябре 1683 г. на польский посольский съезд отправился боярин Яков Никитич Одоевский, ему также был выдан уже известный нам набор предметов для украшения интерьера, и в том числе рукомой с лоханью³².

Таким образом, в дискуссии относительно назначения рукомойного прибора в посольском церемониале в XYII столетии можно было бы поставить точку. Однако остается вопрос — чем объяснить невероятную живучесть легенды об унизительном обычай «омовения рук», существовавшую в сочинениях западноевропейских авторов более полутора столетий?

Трудно не заметить, что авторы всех сочинений, в которых так или иначе упоминается рукомойный прибор и «позорный обычай», были прямо или опосредованно знакомы с книгой С. Герберштейна и в разной степени использовали ее при составлении собственных текстов. Как правило, имя авторитетного предшественника фигурирует в предисловиях этих трудов. Неизвестно, читал ли книгу имперского дипломата швед Э. Пальмквист, но весьма велика вероятность, что он был знаком со шведским изданием «Истории о Великом княжестве московском...» П. Петрея, в сочинении которого высокую степень заимствований из книги С. Герберштейна отмечал еще в XIX в. исследователь Ф. Аделунг³³. Перекочевал в книгу П. Петрея и эпизод с «омовением рук». Не исключено и знакомство Э. Пальмквиста с одним из изданий книги А. Олеария. Однако едва ли можно объяснить многоократные упоминания разными авторами несуществующего обычая в течение полутора веков одним лишь воздействием авторитета сочинения С. Герберштейна.

В определенном смысле, на поддержание жизнеспособности легенды «об омовении рук» работали многие стороны действительности, окружавшей иностранных дипломатов в России XVI—XVII в. Многие из участников западноевропейских посольств отмечали, что русские должностные лица постоянно требовали от дипломатов действий, по мнению последних, унижающих их достоинство (первыми при встрече с приставами обнажать голову, сходить с лошадей и так далее). «Они полагают, нанесли бы большой ущерб своему государю и всей нации, если бы они по отношению к иностранным гостям и послам великих государей вели себя с принятой вежливостью»³⁴.

Кроме того, крайне неприятное впечатление на иностранцев производил ряд православных традиций и канонов, о которых им становилось известно или с которыми приходилось сталкиваться лично. Например, публичное «проклинание» — анафематствование патриархом «еретических» вер на Неделе торжества Православия. Знали они и о запрете «иноверным» входить в православные храмы, и о том, что происходило, если этот запрет нарушался. Согласно «Потребнику», храм подлежал очищению по чину «егда от неверных внидет кто», тождественного чину на очищение церкви от нечистого животного «егда пес вскочит в церковь». В такой контекст вполне органично вписывался и сюжет с «омовением рук».

В силу различных культурных, религиозных, а порой и политических причин тема «презрительного отношения русских к иностранцам» в сочинениях западных дипломатов была довольно популярной в ряду других стереотипных тем негативного спектра, например, «о варварстве» или «о природном рабстве русских». Зачастую авторы, отталкиваясь от известных им фактов, шли далее путем домысливания, возведения умозрительных построений в отношении обычаем, традиций и взглядов русских людей. Так, А. Мейерберг писал, что русские презрительно относятся к иноземцам, поскольку считают их всех «незаконнорожденными», а их брак не супружеством, а «наложничеством». К такому заключению он пришел, узнав, что церковные власти не признают таинств, совершенных неправославными христианами, и что супруги — иностранцы после перехода в «русскую веру» вынуждены заново венчаться³⁵. Для иноземных писателей сюжет с «омовением рук» не только наилучшим образом соответствовал тональности оценок русской действительности, но и подкреплялся солидным авторитетом ранее писавших о нем авторов. Максимально критичным по отношению к предшественникам, писавшим об «омовении рук», является сочинение Я. Рейтенфельса, избравшего, правда, весьма дипломатичную форму: «в *прежние времена* (курсив наш. — С.О.) русские цари имели обыкновение омывать руку после поцелуя ее иностранными послами»³⁶.

Сочинение прибывшего в свите антиохийского патриарха Макария архиdiакона Павла Алеппского представляет собой в «зеркальном отражении» негативные отзывы западноевропейских авторов. В панегирических тонах, не стесняясь преувеличений, сириец писал о невероятной преданности вере и благочестии русского народа и государя.

Проявление неприязни к представителям иных конфессий виделось православному арабу похвальной формой проявления этого благочестия. В книге Павла Алеппского одобрительно пишется и о нетерпимом отношении русских к «неверным», об изгнании «еретиков» из Москвы, и об анафематствовании «франкских исповеданий»: «Какое убеждение! какая вера! какая преданность Богу! Они даже не пускают чужестранца в свои церкви, думая, что он их осквернит; отнюдь не принимают и не любят людей другой религии. Мы рассказывали, что, коща идет к царю турецкий посол, то его не вводят со стороны церкви Благовещения, дабы он не осквернил ее. После того как он поцелует полу царской одежды, и царь положит свои руки ему на голову в знак дружбы, тотчас же, по выходе посла, он моет руки водою с мылом, думая, что они осквернены; затем призывают священников совершить водосвятие на том месте и окропить его, дабы оно очистилось, ибо осквернено»³⁷.

Хотя в известии Павла Алеппского ни слова не сказано о руко мойном приборе, и сам обычай, по словам сирийца, относится лишь к послам мусульманам, общий мотив с известиями европейских авторов об обычаях «омовения рук» явно присутствует. Символика же омовения как средства очищения от «скверны» является общей и для Запада, и для Востока. Едва ли прибывшего с Ближнего Востока православного араба можно заподозрить в знакомстве с трудом С. Герберштейна.

Вероятнее всего, в своем стремлении изобразить русского государя образцом благочестия Павел Алеппский последовал тем же путем, что и западноевропейские авторы, рисуя «презрительное» отношение московитов и их царя к иноверным. Он дополнил известные ему элементы русского «посольского обычая» собственными домыслами. Действительно, восточных дипломатов проводили во дворец не через паперть Благовещенского собора, а через Среднюю лестницу. Хотя в русских документах применительно к дипломатическим агентам восточных государей применялась формула «быть у руки государя», посольские книги свидетельствуют, что мусульманам царь не протягивал руку для поцелуя, а «клал на них свою государеву руку», то есть фактически только прикасался к головному убору. Исключения составляли случаи, когда посланными от восточного государя выступали лица православного вероисповедания, например, грек Фома Кантакузин, который не только целовал руку Михаилу Федоровичу, но и получал благословение от присутствовавшего в Золотой палате патриарха Филарета Никитича³⁸. Известие Павла Алеппского об очистительном водосвятии и окроплении палаты, равно как и об омовении рук, относится к вымыщленным и не подтверждается русскими источниками.

Особняком от других сочинений иноземцев стоит дневник Андерса Траны, драбанта шведского посольства 1655—1658 гг. В отличие от всех остальных, об омовении русским царем руки после поцелуя иностранного посла он пишет, как очевидец. Однако ряд обстоятельств дает основание серьезно усомниться в достоверности слов драбанта. Сохранился и опубликован днев-

ник другого участника посольства 1655 г. Анонимный автор довольно подробно описывает аудиенцию 19 декабря, однако ни о присутствии в этот день в палате рукомойного прибора, ни о публичном омовении рук Алексеем Михайловичем нет ни слова. Любопытно, что, рассказывая о второй аудиенции шведских дипломатов, автор отметил: «По правую руку от его царского величества стоял на окне сосуд с водой», — но назначение его никак не прокомментировал³⁵. К сожалению, нельзя внести ясность в вопрос о присутствии на этих аудиенциях рукомоя с помощью русских источников, поскольку «Выходы» за 1655—1656 гг. не сохранились.

Следует обратить внимание, что в тексте дневника А. Траны немало заимствований из известного сочинения Адама Олеария, что было отмечено издателями текста перевода. Масштабные включения из книги голштинца побудили финского историка Кари Таркиайнена рассматривать Трану как возможного автора перевода сочинения Олеария на шведский язык (рукопись перевода хранится в Королевской библиотеке)⁴⁰. Очевидные заимствования содержит и сцена описания аудиенции во дворце московского государя. А. Трана пишет: «Рядом находился золотой таз для мытья рук, чаша с водой и полотенце. Когда послы поцеловали его руку, его царское величество вымыл ее»⁴¹. У Олеария фраза звучит: «Рядом с державою стояла золотая чашка для умывания и рукомойник с полотенцем, чтобы его царское величество, как послы приложатся к его руке, снова мог умыться»⁴². Возможно, фраза Траны представляет собой не совсем корректный по грамматической форме перевод — пересказ Олеария, вследствие этого складывается впечатление, что автор сам стал свидетелем «унизительного обряда».

Впрочем, нельзя до конца исключить, что сюжет с омовением рук мог быть передан в такой форме преднамеренно. Судьба шведского посольства 1655 г. сложилась непросто. Россия начала военные действия против Швеции, и дипломаты до 1658 г. фактически содержались под арестом. В текстах членов посольства весьма заметна тема пережитых страданий и унижений, которым их подвергли «коварные московиты». Два участника этого посольства — Кристофер Краузе и Филипп Крусеншерна — написали стихотворные произведения, в которых они описали свои страдания в русском плену. Сочинение К. Краузе носило название «Необоримое терпение»⁴³. Сам А. Трана в ряде мест своего повествования необоснованно приписывает русским оскорбительные намерения. Так, требование патриарха к членам посольства снять шляпы при прохождении мимо них религиозной процессии с иконами и крестами, по мнению шведа, преследовало цель «унизить нас, наших королей и властелинов»⁴⁴.

Весьма важным и интересным представляется вопрос о самом «рукомое». В описях кремлевских казнохранилищ XVII столетия среди драгоценных сосудов различного назначения в изобилии присутствуют западноевропейские рукомойные кувшины и лохани⁴⁵. Часть этих предметов ныне хранится в собрании Оружейной палаты Музеев Московского Кремля, что обуславливает необходимость попытки идентификации предметов.

Вплоть до второй половины столетия записи в «Выходах» не содержат никаких подробностей о самом рукоомойном приборе, использовалась стандартная форма «серебренник с лаханью». Двадцать первого марта 1641 г. при приеме в Грановитой палате Кизылбашского посла стоял «серебренник с лоханью большой»⁴⁶. Этих сведений явно недостаточно для идентификации. Лишь во второй половине XVII века появляется информация, дающая надежду соотнести упомянутый в дворцовых записях «серебренник» с памятниками из собрания Музеев Московского Кремля.

В 1661 г. при приеме послов императора Священной Римской империи государем Алексеем Михайловичем в палате присутствовал «серебренник с лаханью лутчей с каменьи». В 1667 г. при приеме польских послов упоминался «серебренник с лаханью посолской», а в 1674 и 1675 гг. на аудиенции соответственно шведских и персидских дипломатов стоял «серебренник с утиральником и с лаханью посолской, с раковины и с каменьи и с жемчуги; стоянец серебрян верхи золочены»⁴⁷. Можно предположить, что во всех четырех случаях речь идет об одной группе предметов.

3. Рукоомыйный кувшин. Антверпен, середина XVI в. Музеи Московского Кремля

Записи 1674 и 1675 гг. почти не оставляют сомнений, что речь идет о предмете, ныне хранящемся в собрании Музеев Кремля. В царских сокровищницах находился лишь один подобный рукоомой. Это великолепный

кувшин, выполненный в Антверпене в 1544—1545 гг. (ил. 3)⁴⁸. Корпус сосуда состоит из трех перламутровых раковин, серебряная оправа которых украшена жемчугом и драгоценными камнями. Ножку сосуда окружают фигуры трех сатиров, носик представляет собой птичью голову на длинной изогнутой шее, дугообразная ручка декорирована головой монстра. Известна история появления этого кувшина в казне московского государя. В 1651 г. он был привезен посольством Речи Посполитой в составе даров царю Алексею Михайловичу от короля Яна II Казимира⁴⁹.

Можно выдвинуть предположение и относительно рукомойного блюда — «лахани». В собрании Музеев Кремля хранится серебряное золоченое блюдо (ил. 4), украшенное перламутром и драгоценными камнями⁵⁰. Блюдо и вышеназванный кувшин не являются частями одного рукомойного гарнитура. «Лахань» была выполнена в середине XVI столетия в Нюрнберге мастером Хансом Брабандом. Как и рукомой, блюдо было привезено польскими дипломатами в 1651 г. Можно предположить, что рукомойный кувшин и блюдо, выполненные из позолоченного серебра и перламутра, украшенные драгоценными камнями, были «исторически» объединены в единый гарнитур еще до их поднесения русскому государю. Подобные примеры совместного бытования предметов разного происхождения известны в XVII столетии.

4. Блюдо. Нюрнберг, середина XVI в. Мастер Ханс Брабанд. Музеи Московского Кремля

К сожалению, полных описей государевой казны, что хранилась в Мастерской палате времени Алексея Михайловича, не сохранилось. В дошедшем до нас документе, относящемся к 1682 г., вышеуказанный

рукомой и лохань не упоминаются⁵¹. Можно предположить, что рукомой с лоханью находились в личных покоях государя. Сохранилась выписка от 31 января 1674 г. о выдаче в Серебряную палату шести золотых на позолоту государева комнатного серебряника, но сам предмет в документе, к сожалению, не описан⁵².

Впервые антверпенский рукомой и нюренбергская лохань упомянуты в описи, проведенной по царскому указу от 8 марта 1697 г. В числе предметов, ранее в Мастерской палате «не определенных», а ныне «явленных налицо» (к сожалению, безуказания источника поступления), зафиксированы: «Рукомойник раковинной оправлен серебром с алмазы и с яхонты червчаты и зерны жемчуж- ными. На поддонке дву алмазов нет. На усу и на рукояди тринатцать зерен нет. Лахань серебреная чеканная золоченая, в средине шесть раковин. На ней шесть алмазов, да пять яхонтов червчатых. В ней одного яхонта нет. Влагалище оклеено бархатом червчатым»⁵³. Можно предположить, что великолепный рукомой и лохань оставались в личных покоях и при Федоре и при Иване Алексеевиче и лить после смерти последнего были снесены в Мастерскую палату.

В «Выходах» 1674—1675 гг. после описания рукомойного гарнитура записан «стоянец серебрян верхи золочены». Это второй из стоянцев, находившихся в палате во время приема, — на первом была держава. Возможно, речь идет о серебряной, частично золоченой, подставке, на которой мог стоять рукомойный прибор.

Известно, что на оправленной в серебро подставке у государя «вверху» стояла лохань, на которой находился «водовзвод» — привезенный шведским посольством настольный фонтан⁵⁴. В Описи государевой казны на Казенном дворе 1679 г. подставка для лохани названа стоянтом: «Стоян деревянной обложен серебром басемным местами золочено. На нем лохань серебряная чеканная белая... на лохани водовзвод стоит... Великому государю прислал в дарех свейской король..»⁵⁵.

Стоянцем также могли называть и часть рукомойного гарнитура — широкую чашу на высоком основании (ноге) с отверстием для слива воды, на которую сверху ставился рукомойный кувшин. В собрании Музеев Московского Кремля хранится два стоянца подобного типа, оба они имеют восточное происхождение. Один из них золотой, с драгоценными камнями, относится к знаменитому рукомойному прибору — подарку царицы Натальи Кирилловны царевичу Алексею Петровичу⁵⁶. Другой серебряный, чеканный, частично золоченый, со съемной прорезной крышкой, без рукомойного кувшина, ныне экспонируется в Мироваренной палате Патриаршего дворца в Московском Кремле⁵⁷ (ил. 5).

Опись государевой казны в Мастерской палате 1702 г. начинается с описания предметов царского чина правящего государя Петра Алексеевича, в который входили регалии, вещи, употребляемые при обряде венчании на царство и важнейших церемониях, а также ряд предметов царского гардероба. В составе государева чина Петра Алексеевича упомянуты два стоянца. Один

записан после державы: «Под яблоко великолдержавное стоянец прорезной троегулной высок серебряной золоченой». Другой — после антверпенского рукомоя и нюренбергской лохани, также отнесенных к царскому чину: «Стоянец чеканной местами золочен, крышка прорезная»⁵⁸. С высокой долей вероятности речь идет о стоянце, в данный момент хранящемся в Патриаршем дворце. Вес его по Описи 1702 г. — четыре фунта пять золотников — относительно близок весу стоянца из Мироваренной палаты (1587,4 г.). Можно предположить, что во второй половине XVII в. он служил подставкой для объединенных в рукомойный прибор антверпенского раковинного кувшина и нюренбергской лохани.

Следует отметить, что на иллюстративном материале, сопровождавшем тексты А. Мейерберга (имперское посольство 1661 г.) и Э. Пальмквиста (шведское посольство 1675 г.), изображения рукомоя не соответствуют тому раковинному антверпенскому рукомою, который присутствовал в палате согласно «Выходам». И если в альбоме А. Мейерберга рукомой передан довольно схематично, то у Э. Пальмквиста это тщательно выполненное изображение рукомойного блюда со стоящим на нем кувшином вполне традиционного вида, с переброшенным через устье полотенцем.

5. Стоянец. Турция (?), XVII в. Музеи Московского Кремля

Примечательно, что даже очевидец на изображениях передал обстановку «аудиенц-залы» весьма неточно, с большой долей условности или ориентируясь на рисунки и гравюры из книг предшественников. Э. Пальмквист, в отличие от А. Мейерберга, изобразил державу стоящей не на окне, на малом серебряном золоченом стоянце⁵⁹, как это записано в «Выходах», а явно ориентируясь на гравюру из книги А. Олеария, показал напольный высокий трехгранный пирамидальный стоянец⁶⁰. Иллюстрируя сочинения

иностранцев о России, в картину зачастую добавляли то, что считали необходимым добавить, не слишком согласуясь с реальностью.

Так, на гравюре, сопровождавшей издание описания посольства Конрада ван Кленка 1676 г., в палате, где проходил прием, изображена запряженная лошадьми карета, действительно привезенная голландцами в составе посольских даров.

Итак, обобщая все вышесказанное, на вопрос: «Был ли кувшинчик?» — можно с уверенностью ответить: «Да, действительно, был». Что же касается его назначения в «аудиенц-палате», то здесь все менее очевидно. Речь идет о традиции еще велиkokняжеского периода, восходящей к началу XVI столетия, а возможно, и еще более ранней. Материалом для анализа практики использования рукомоя в дворцовых церемониях мы располагаем лишь с 1630-х гг., и нельзя исключить, что на тот момент традиция существовала в «затухающем» или измененном виде, наполняясь иным, по отношению к исходному, содержанием.

Версию, обозначенную впервые Сигизмундом Герберштейном, об «очи-стительном омовении руки» русским государем после поцелуя «иноверного посла», по отношению к XVII столетию следует признать маловероятной. Если применительно к царствованию Михаила Федоровича тень сомнения еще допустима, то при Алексее Михайловиче «религиозно-очищательный» подтекст присутствия в палате рукомоя можно исключить. В этом нас убеждают как прецеденты выноса рукомойного гарнитура при приеме лиц православного вероисповедания, так и сложившаяся в 1660—1670-е гг. практика его использования только при аудиенциях западных дипломатов высшего ранга наиболее важных для русской стороны посольств. Примечательно, что в этот период демонстрировался сосуд исключительного великолепия, не предполагавший при этом функционального использования. При первых Романовых рукомойный гарнитур являлся частью декоративного убранства палаты, где происходил посольский прием, он наряду с другими предметами демонстрировал богатство сокровищницы московского государя.

Истоки и изначальный смысл традиции присутствия рукомойных при надлежностей при приеме иностранных дипломатов великими князьями Московскими по-прежнему не ясны. Как один из возможных вариантов можно рассматривать версию о византийском происхождении обычая. В сочинении Константина Багрянородного «О церемониях» описан порядок приема Василевсом сарацинских послов. На самой церемонии сарацины должны были быть облачены в одежды и украшения, пожалованные им императором. По окончании приема и пира, перед тем как покинуть дворец, послам предписывалось совершить омовение из заранее приготовленных покрытых резьбою чаш, отереться драгоценными полотенцами и умастить себя благовониями⁶¹. Была ли русская традиция отголоском византийского церемониала или имела иное происхождение, какой смысловой код она содержала изначально — отдельный вопрос, требующий глубокого исследования.

1. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 213.
2. ПДС. СПб., 1870. Т. 10. С. 318.
3. Юзефович ЛЛ. «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988. С. 199.
4. Приезд в Россию и отпуск посла Голландских Статов Якова Борела... — РГАДА. Ф. 50. On. 1.1664-1665 гг. Д. 6. Л. 351 об.
5. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 33.
6. Выходы царей Михаила, Алексея, Феодора всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). Сост. П. Строев. М., 1844.
7. Там же. С. 24; Посылка в Воронеж дворянина Облезова для встречи едущего с российскими послами... турецкого посла Алея Аги... Бытность их в Москве и отъезд. — РГАДА. Ф. 89. On. 1, ч. 1. Д. 6.1633 г. Л. 258-260,488-488 об.
8. Выходы царей... С. 27.
9. Там же. С. 64—65.
10. Там же. С. 87-89.
11. Там же. С. 75,79, 81.
12. Там же. С. 71.
13. Дворцовые Разряды. СПб., 1851. Т. 2. С. 593—594.
14. Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1. С. 316.
15. Выходы царей... С. 85.
16. Не удалось определить принадлежность «Медианского» посла.
17. Выходы царей... С. 158.
18. Дворцовые Разряды. Т. 3. С. 57.
19. Выходы царей... С. 178, 323, 327.
20. Там же. С. 168.
21. Там же. С. 356.
22. Там же. С. 482,570,591.
23. Там же. С. 178.
24. Там же. С. 327.
25. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 288-290.
26. Дворцовые Разряды. СПб., 1852. Т. 3. С. 500—501.
27. Выходы царей... С. 178.
28. Там же. С. 216.
29. Там же. С. 482.
30. О присылке на Польский посольский съезд с Государевыми послами кн. Никитою Одоевским с тов. серебряной лохани с рукомойником и шандала, для стола ковер и два сукна. — РГАДА. Ф. 396. On. 1. Д. 6721.1660 г. Л. 1.
31. Об отправлении на посольский свейский съезд серебряного рукомойника с лоханью. — Там же. Д. 7363.1661 г. Л. 1-2.
32. О посылке на посольский съезд с Боярином Яковом Никитичем Одоевским ковра золотного, сукна багреца, серебряных золоченых шандалов и лоханей с рукомойниками. — Там же. Д. 21760.
33. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение сочинений путешественников по России до 1700 г. М., 1884.4.2. С. 145.
34. Олеарий А. Описание путешествия в Москвию и через Москвию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 185.
35. МейербергА. Путешествие в Москвию // Утверждение династии. М., 1997. С. 98—99.
36. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии //Тамже. С. 317.
37. Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 328, 355.

38. Книга, содержащая приезд в Москву присланного от султана Амурата IV посла грека Фомы Кантакузина... — РГАДА. Ф. 89. Оп. 1, ч. 1. Д. 5. 1627 г. Л. 105 об.—106 об. Автор выражает глубокую благодарность И. А. Загородней за предоставленные консультации и материалы.
39. Отрывки из дневника, принадлежащего одному шведу, участвовавшему в шведском посольстве 1655—1658 гг. //ДневникАндресаТраны 1655—1656. Новгород, 2007. С. 120.
40. Там же. Предисловие. С. 3—4.
41. Там же. С. 55.
42. Олеарий А. Описание путешествия в Москвию... С. 51. Автор выражает глубокую благодарность Г.М. Коваленко и А.В. Толстикову за помощь и консультации.
43. Дневник Андреса Траны 1655—1656. С. 4.
44. Там же. С. 45.
45. Например: Опись государевой казны на Казенном дворе 1640 г. — РГАДА- Ф. 396. Оп. 2, ч.1. Д. 4. Л. 121 об., 122,135 об.-139.
46. Выходы царей... С. 94.
47. Там же. С. 356,482, 570, 591.
48. Музеи Московского Кремля, инв. № ДК—187.
49. Посольские дары русским царям. М., 2005. С. 121.
50. Музеи Московского Кремля, инв. № М3—1235.
51. Опись государевой казны, что в Мастерской палате. — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 600. 1682 г.
52. Выписка о выдаче в Серебряную палату на позолоту государева серебряника комнатного б золотых. — Там же. Оп. 1. Д. 14845.12 января 1674 г.
53. Две описи казны царя Иоанна Алексеевича 1696 г. — Там же. Оп. 2. Д. 604. Л. 206.
54. Приходная и расходная — посольская книга товарам и вещам 1675—1676 гг. — Там же. Оп. 2, ч. 1. Д. 189. Л. 45 (Выявлено И.А. Загородней).
55. Опись государевой казны на Казенном дворе 1679 г. — Там же. Д. 12. Л. 64—64 об.
56. Музеи Московского Кремля, инв. № МВ—40/1—2.
57. Музеи Московского Кремля, инв. № МВ—873/1—2.
58. Оценочная опись казны Мастерской палаты царя Петра Алексеевича 1702 г. — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 606. Л. 19,21-21 об.
59. В собрании Музеев Московского Кремля хранится стоянец такого типа, по венцу которого выполнена резная надпись о принадлежности царю Федору Алексеевичу (инв. № МР— 4452). В сочинении Г.К. Котошихина о посольском приеме написано: «А царь в то время сидит на своем месте, во всем своем царском одеянии; а по правую руку царя, на окне, поставлен на блюде стоянец, а по левую сторону сидят бояре, поодаль; а царя в то время держат под руки Сибирские царевичи или бояре» (Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1851. С. 51).
60. Согласно Описи 1642 г., такой стоянец входил в состав Большого государева наряда, который хранился в Большой казне на Казенном дворе: «Стоян серебрян, золочен, решетчет, на три угла, на чем ставится яблоко — держава. У стояньца три яблока, а под исподом три льва золочены». — РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Д. 6. Л. 345 об. (Этот стоянец и второй, подобный, ныне находятся в основной экспозиции Оружейной палаты, в витрине с двойным троном царей Петра и Ивана Алексеевичей. Музеи Московского Кремля, инв. № Р—32; Р—33).
61. Константин Багрянородный. О церемониях / Пер. Н.Е. Новикова // KANT^KION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006. С. 337 (кн. 2, гл. 15).